ВИД НА ЧУЖИЕ ОКНА

Александр Дуками

Вид на чужие окна

«Автор»
2026

Дуками А.

Вид на чужие окна / А. Дуками — «Автор», 2026

Илья зарабатывает на том, что обещает людям новую жизнь. Когда от него уходит Вера, он снимает квартиру на Васильевском острове и обнаруживает, что начать свою куда труднее, чем написать об этом убедительный текст.Деньги нужны, и Илья берётся за рекламу духовного клуба. Для первого ролика он сокращает рассказ пожилого философа о смерти жены до четырёх слов: «Ваше горе — ваша любовь». Ролик приносит первые заявки. Философ просит его удалить.Петербургская повесть о близости, уединении и цене слов, которые слишком хорошо звучат.

© Дуками А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Уединение 6
Глава 2. Лестница 9
Глава 3. Вертикаль 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Александр Дуками
Вид на чужие окна

Вид на чужие окна

Глава 1. Уединение

В тот вечер, когда Вера сказала Илье, что им надобно расстаться, он прежде всего подумал о том, как неудобно будет теперь ездить за вещами. Мысль эта была до такой степени несоответственна важности происходящего, что он тотчас отстранил её и, нахмурившись, спросил:

— Ты хорошо подумала?

Вера стояла у стола, придерживая ладонью спинку стула. На ней была домашняя серая кофта с растянутым рукавом. Илья зачем-то заметил этот рукав и почувствовал раздражение: ему хотелось, чтобы в такую минуту всё было значительно, а она стояла в старой кофте, и на столе лежала раскрытая пачка гречневой крупы.

— Да, — сказала она.

Ему показалось, что ответила она слишком скоро.

Он приготовился говорить. Он умел говорить хорошо, особенно когда чувствовал себя обиженным. Тогда слова сами становились в такой порядок, при котором выходило, что он понимает и свою вину, и чужую, но видит всё происходящее несколько шире собеседника. Это обыкновенно успокаивало его прежде, чем успевало успокоить другого.

Но Вера не села.

— Я не хочу опять разговаривать до утра, — сказала она. — Ты можешь пожить здесь до воскресенья. Я пока буду у Лены.

— То есть ты уже всё устроила.

Сказав это, он испытал короткое удовлетворение. В её действиях обнаруживалось что-то заблаговременное и потому, как ему представлялось, несправедливое.

Вера посмотрела на него устало.

— Илья, мне пришлось устроить.

Она взяла со стула сумку. Он видел, как трудно ей было застегнуть молнию: между зубцами попала нитка. Ему следовало подойти и помочь, и позднее именно эта молния почему-то вспоминалась ему с мучительной ясностью. Но в ту минуту он стоял у окна и ждал, что она скажет ещё что-нибудь, что позволит ему продолжить разговор.

У двери Вера обернулась.

— Ты очень любишь быть там, где тебя любят.

Он поднял глаза.

— А что же в этом дурного?

Она ничего не ответила.

Когда дверь закрылась, Илья ещё некоторое время сохранял то выражение лица, с которым намеревался выслушать её ответ. Потом прошёл на кухню и убрал гречневую крупу в шкаф.

* * *

В воскресенье он переехал на Васильевский остров.

Квартира была на четвёртом этаже старого дома. В прихожей пахло пылью и чем-то сладковатым; в комнате стоял шкаф, верхние дверцы которого не закрывались, а нижняя выдвигалась сама собой. Хозяйка, торопливая женщина с красными от холода руками, показала ему, как надо прижимать коленом стиральную машину, чтобы сработал замок, и несколько раз повторила, что соседи здесь тихие.

Слово «тихие» понравилось Илье. Оно соответствовало тому представлению о новой жизни, которое он успел составить по дороге. В этой жизни предполагались работа, чтение и спокойное выяснение того, что произошло между ним и Верой.

Оставшись один, он достал из сумки книги и поставил их на подоконник.

Книги были ему знакомы, и оттого комната несколько утратила свою враждебность. Одну, о духовном пути, он раскрыл на странице с загнутым углом, но читать не стал. Ему захотелось послать кому-нибудь фотографию окна.

Он снял двор, посмотрел на фотографию и обнаружил, что она вышла печальнее, чем ему хотелось.

Тогда он снял книги.

После этого написал знакомой женщине: «Наконец-то обосновался отдельно. Кажется, мне давно было нужно побыть одному».

Она ответила почти тотчас: «Очень рада за тебя».

Ответ был доброжелательный, но продолжения не обещал.

Илья положил телефон.

За окном в доме напротив зажёгся свет. Мужчина в белой майке наклонился над столом; возле него появилась девочка и, ухватив его за локоть, стала что-то показывать. Мужчина сперва отмахнулся, потом всё-таки повернулся к ней.

Илья смотрел с неприятным чувством, которому не находил названия. Ему было досадно, что эти незнакомые люди так легко и без всякого усилия находились у себя дома.

* * *

В первую неделю он почти не бывал в квартире.

Работал в кафе, подолгу задерживался в агентстве, согласился на встречу, от которой прежде отказался бы. Рассказывая о расставании, он всякий раз замечал в себе одну и ту же странность: чем связнее становился рассказ, тем меньше происходившее касалось его самого.

Слушатели сочувствовали. Одна женщина сказала, что Вера, вероятно, испугалась его внутренней свободы. Илья понимал, что это неправда, но спорить не стал.

В пятницу он пошёл на философский семинар.

Лев Аркадьевич принимал в комнате, где было тесно от книг и слишком жарко от старой батареи. Пришедшие сами приносили стулья из кухни. Илье нравилась здешняя непритязательность, хотя, работая над приглашениями на подобные встречи, он непременно употребил бы слово «камерность».

В тот вечер говорили об уединении.

Илья слушал рассеянно, иногда поглядывая на женщину у книжного шкафа. Ему казалось, что он уже видел её прежде и что она тоже узнала его.

— Уединение важнее отношений, — сказал Лев Аркадьевич.

Илья повернул голову. Ему понравилась мысль, которую можно было приложить к своему теперешнему положению.

— Но ведь человек узнаёт себя через другого, — возразил он.

— Бывает.

— И любовь…

— Что любовь?

Илья хотел ответить, но вдруг обнаружил, что намеревался произнести нечто давно приготовленное и не вполне ему понятное.

Лев Аркадьевич ждал.

— Я имею в виду, что нельзя же совсем без людей.

— А кто предлагает совсем без людей?

В комнате стало тихо. Илья почувствовал на себе чужое внимание и улыбнулся, как улыбался обыкновенно, когда хотел показать, что разговор для него представляет скорее отвлечённый интерес.

Старик посмотрел на него без улыбки, но и без строгости.

— Нужно найти место в собственной жизни, — сказал он. — Пока это не сделано, ты прижимаешься к чужой.

Женщина у шкафа опустила глаза. Илье показалось, что она поняла, к кому относятся слова.

Он перестал слушать.

Всё оставшееся время он мысленно возражал старику. Ему вспоминались собственная забота о Вере, поездка, которую он для неё устроил, дорогой подарок на день рождения. Но почему-то вслед за этими воспоминаниями являлась Вера, стоящая с сумкой у двери, и её рука, безуспешно тянувшая молнию.

* * *

После семинара он долго шёл пешком.

Ветер с Невы был сыр и настойчив. Илья поднял воротник и подумал, что следовало вызвать машину, но продолжал идти. Его мучило чувство, знакомое ещё по детству, когда он бывал уличён в чём-нибудь мелком и старался доказать, что поступок его значил совсем другое.

Он сердился на Льва Аркадьевича за то, что тот ничего о нём не знал. Потом на себя за то, что так легко позволил себя задеть. Потом снова на Веру.

Уже возле дома он вынул телефон и открыл её имя.

Он не собирался просить вернуться. Хотел только сказать, что многое понял.

Палец остановился над экраном.

Ему стало ясно, с какой надеждой он дожидался бы ответа, как прислушивался бы к каждому её слову и как, услышав привычную теплоту, тотчас почувствовал бы себя лучше. Всё то, что ему казалось необходимым понять, могло быть отложено ещё на один день.

Он убрал телефон и вошёл в подъезд.

На втором этаже горела одна лампочка. На третьем было темно. У своей двери он долго искал ключ; новый ключ всё попадался в связке не с той стороны.

В квартире оказалось холодно.

Илья включил свет, снял пальто и остался стоять посреди комнаты. Никто не знал, что он вернулся. Никто не спросил, как прошёл вечер. Ему пришло в голову, что он мог бы сейчас уехать обратно, и в комнате ничего бы не изменилось.

Это было так неприятно, что он опять потянулся к телефону.

Но вместо этого пошёл на кухню.

В шкафу нашлась чашка с надписью «Лучший дедушка». Илья налил в неё чай и сел у окна. Напротив ещё горели окна, но людей уже не было видно.

Он сидел долго. Чай остыл. Холодильник вздрогнул и загудел.

Илья подумал, что завтра надо купить чашку, а потом вспомнил, что уже несколько дней собирается это сделать. Такая маленькая вещь почему-то требовала решения, которого он всё не принимал.

Он достал из сумки блокнот, вырвал лист и написал: «Чашка. Хлеб. Позвонить хозяевам насчёт батареи».

Внизу, помедлив, добавил: «Деньги Вере».

Лист он положил возле ключей.

Потом вымыл чужую чашку и лёг спать.

Глава 2. Лестница

Наутро Илья проснулся с тем особенным чувством свободы, которое иногда бывает после неприятного, но как будто окончательного решения. За окном было светло; по двору проехала машина, и кто-то внизу сердито, однако без злобы, попросил не загораживать проход.

Он вспомнил вчерашний вечер и остался им доволен.

В том, что он не позвонил Вере, ему уже представлялась некоторая твёрдость, прежде ему недоступная. Он лежал, подложив руку под голову, и думал, что уединение, вероятно, и в самом деле даст ему многое. Хотелось поскорее рассказать об этом Льву Аркадьевичу, но Илья тотчас заметил эту поспешность и улыбнулся собственной проницательности.

Встав, он прочёл записку возле ключей.

Слово «чашка» показалось ему трогательным. Последняя строка вызвала другое чувство. Деньги можно было перевести сейчас же, хотя бы небольшую часть, но тогда на оставшуюся неделю пришлось бы во многом себе отказать. Он решил сначала позавтракать и проверить, не пришла ли оплата от заказчика.

Оплата не пришла.

Зато заказчик прислал семь сообщений, и Илья, ещё стоя у кухонного стола, начал отвечать. Потом открыл компьютер. Когда он снова взглянул на часы, было уже около двух.

Чашку он купил вечером, в небольшом хозяйственном магазине. Долго выбирал между двумя одинаковыми, отличавшимися только цветом ободка, и от этого ненужного выбора ему стало весело. Женщина за кассой спросила, нужен ли пакет.

— Нет, — сказал он. — Я недалеко.

Домой он нёс чашку в руке, время от времени меняя руку, потому что было холодно.

* * *

Боль появилась через три дня.

Сначала он принял её за последствие неудобного сна. Потянулся, повернулся в кресле, прижал ладонь к правому боку и продолжил работать.

Нужно было придумать название для программы, обещавшей участникам обрести внутреннюю опору. Названия выходили либо пошлые, либо слишком длинные. Илья написал «Точка равновесия», зачеркнул и пошёл ставить чайник.

Возле плиты боль усилилась.

Он замер, ожидая, что она пройдёт, и вдруг почувствовал тошноту.

Это показалось ему нелепым. Через сорок минут предстоял разговор с заказчиком; на столе лежал раскрытый компьютер, в переписке от него ждали ответа. Он ещё думал, что надо отменить встречу, но не мог составить простого сообщения: слова не удерживались вместе.

Илья дошёл до ванной и сел на край.

Боль занимала уже так много места, что всё остальное — комната, работа, даже недавнее расставание — отодвинулось и сделалось почти ненастоящим. Он попытался глубоко вдохнуть, как его когда-то учили, но дыхание не слушалось. Ему хотелось найти положение, в котором станет легче. Он вставал, садился, сгибался, опять вставал.

Потом оказался на полу.

Телефон лежал рядом с раковиной. Поднявшись на колени, Илья потянулся к нему и задел локтем мыльницу. Она упала с таким грохотом, что на мгновение он испугался за неё больше, чем за себя.

Экран не узнавал его лица.

Он вытер ладонь о футболку, набрал пароль и ошибся. Пришлось начать сначала.

В дверь позвонили.

Илья не ответил.

Позвонили ещё раз, затем постучали.

— Молодой человек, у вас всё в порядке?

Он хотел сказать «да». Это было привычное слово, избавлявшее от необходимости допускать постороннего в свою жизнь. Но новая боль заставила его застонать.

За дверью помолчали.

— Откройте, пожалуйста.

До прихожей оказалось далеко. Илья добрался до неё, держась за стену, повернул замок и сразу опустился на табурет.

На площадке стояла небольшая пожилая женщина в расстёгнутом пальто. Из сетчатой сумки торчал пучок зелени.

Она посмотрела на него, поставила сумку и вошла.

— Где болит?

Он показал.

— Скорую вызывали?

Илья покачал головой.

Женщина достала телефон.

Он слушал, как она называет адрес, этаж, код домофона, описывает его состояние, и с неприятным удивлением замечал, что ничего не знает о ней, кроме того, что однажды встретил у почтовых ящиков и не поздоровался.

* * *

Пока ждали врача, ему стало холодно.

Женщина принесла из комнаты одеяло, помогла перебраться на диван и поставила рядом пластмассовый таз, нашедшийся в ванной. Действовала она уверенно, без той суетливой жалости, от которой Илье сделалось бы ещё хуже.

— Простите, что так получилось, — сказал он.

— Что получилось?

— Вы, наверное, шли куда-то.

— Из магазина я шла.

Он закрыл глаза. Через некоторое время снова открыл.

— У вас там продукты.

— Лежат.

Ему хотелось быть вежливым, всё объяснить, спросить хотя бы её имя, но на это не хватало сил. Он чувствовал себя дурно воспитанным ребёнком.

— Вы идите, я уже…

Женщина поправила край одеяла, свесившийся на пол.

— Ты болей давай. Не руководи.

От этой простой, немного сердитой фразы он неожиданно успокоился.

Она осталась сидеть на стуле возле двери. Илья слышал, как шуршит её пальто, когда она меняет положение, и как она время от времени поднимается, чтобы посмотреть в окно: не приехала ли машина.

В промежутках между приступами ему становилось легче, и он начинал надеяться, что всё кончилось. Тогда было стыдно за вызванную скорую, за соседку, за таз возле дивана. Но боль возвращалась, и стыд исчезал.

* * *

В приёмном отделении было жарко.

У женщины перед ним никак не находились нужные документы. Мужчина у стены говорил по телефону громким, обиженным голосом. Из-за двери вышла сотрудница в синей одежде и назвала фамилию, на которую никто не отозвался.

Илья сидел, согнувшись, и смотрел на пол.

Когда у него попросили полис, он сперва не понял вопроса. Потом стал искать его в телефоне, сердясь на себя за то, что не подготовил заранее. Женщина за столом подождала и сказала, что можно пока назвать дату рождения.

Ему задали ещё несколько вопросов. Врач осмотрел его; Илью водили по коридору, укладывали, просили повернуться, задержать дыхание, снова дышать.

Он повиновался с вниманием, которого давно ни к чему не прикладывал.

Позднее, когда боль отступила и можно было лежать спокойно, Илья заметил у кровати металлическую стойку. На ней был обрывок старой наклейки. Колесо у стойки плохо поворачивалось; медсестра, передвигая её, слегка приподняла основание ногой.

В этом движении была такая привычная точность, что Илья проводил женщину глазами.

Она уже занималась другим человеком.

Раньше он замечал подобные вещи преимущественно тогда, когда они были сделаны плохо. Медлительность, грубость, сломанное колесо — всё это легко входило в его представление о мире. А то, что кто-то пришёл на работу, помнил порядок действий, находил нужное и делал, до сих пор оставалось для него чем-то само собой разумеющимся.

Теперь он лежал под одеялом, которое кто-то выдал, на простыне, которую кто-то сменил. За окном темнело. Из коридора доносился звук тележки.

Он подумал о соседке.

Она так и не сказала, как её зовут. Или сказала, а он не услышал.

* * *

Домой он вернулся через два дня.

Такси остановилось немного дальше арки, и оставшийся путь пришлось пройти пешком. Небольшая сумка тянула плечо. Во дворе лежал почерневший снег; дворник счищал его с решётки водостока.

В подъезде Илья остановился перед лестницей.

Прежде он поднимался здесь, глядя в телефон. Теперь каждая ступень требовала отдельного движения. Между вторым и третьим этажом он поставил сумку на подоконник и повернулся к окну.

Стекло было мутное, с потёком старой краски в углу. За ним виднелась кирпичная стена и тонкое деревце, выросшее возле водосточной трубы. В двух местах ствол был обвязан верёвкой.

Илья смотрел на верёвку и отдыхал.

Внизу хлопнула дверь.

Поднималась его соседка, та самая, с сетчатой сумкой. Увидев его, остановилась.

— Выпустили?

— Да.

— Ну и хорошо.

Она хотела пройти дальше, но Илья сказал:

— Подождите. Я ведь даже не знаю, как вас зовут.

— Нина Павловна.

Он назвал себя, и она кивнула, словно имя его ей уже было известно.

— Спасибо вам, Нина Павловна.

Она поправила сумку на локте.

— Доктор что сказал? Беречься пока?

— Да.

— Ну вот и берегись.

Она поднялась к своей двери. Илья взял сумку, но не пошёл следом.

— Вам помочь донести?

Нина Павловна оглянулась на него и впервые улыбнулась.

— Сегодня уж я сама.

* * *

В квартире сохранился запах его прежнего утра. На столе лежали бумаги, возле плиты стоял чайник. Компьютер остался раскрытым.

На экране была надпись: «Точка равновесия».

Илья закрыл крышку.

Он хотел сразу прибрать, но устал и сел. Новая чашка стояла на сушилке. Он достал её, налил воды и выпил маленькими глотками.

Вещи вокруг были всё те же, однако теперь он невольно замечал, для чего каждая нужна. Стул держал его вес. Вода была доступна одним поворотом крана. За стеной проходили трубы, о которых он ничего не знал и которыми беспрерывно пользовался.

Это внимание скоро должно было рассеяться: Илья ещё не знал, как легко забывают подобные дни. Но сейчас оно оставалось с ним.

Он достал телефон и перевёл Вере часть денег.

Сумма была меньше, чем следовало, и ему захотелось сопроводить её объяснением. Он уже начал писать о задержке оплаты, о больнице, о том, что остальные вернёт скоро, но остановился и указал только дату следующего перевода.

После этого лёг на диван, укрывшись тем самым одеялом.

За стеной кто-то двигал мебель. Внизу лаяла собака. Под боком неудобно собралась простыня, и пришлось приподняться, чтобы её расправить.

Илья осторожно повернулся к окну.

До вечера было ещё далеко. Он закрыл глаза и впервые за последние дни позволил себе просто спать.

* * *

В первые дни после больницы Илья жил осторожно и был этим доволен.

Он пил воду, ходил на короткие прогулки, ложился раньше прежнего. Всякое действие, совершённое по предписанию, доставляло ему тихое удовлетворение. Даже отказ от кофе казался свидетельством того, что в нём произошла перемена.

Работать было трудно. Он быстро уставал и, закрывая компьютер, испытывал тревогу: день прошёл, а сделано мало. Тогда он вспоминал слова врача и позволял себе отдыхать. Но отдыхать без определённого занятия тоже не умел.

На третий день он нашёл в интернете курс медитации.

Описание обещало восстановить внимание и научить присутствовать в собственной жизни. Последние слова показались ему особенно точными. Он прочёл программу, посмотрел несколько отзывов и оплатил месяц.

Первое занятие начиналось с просьбы устроиться удобно.

Это оказалось непросто. На стуле затекала спина, на диване хотелось лечь. Илья подложил под себя сложенное одеяло и сел на пол. Голос в наушниках советовал не добиваться особого состояния и позволить происходящему быть таким, каково оно есть.

Илья попробовал.

Сначала ему мешал холодильник. Потом собственное дыхание, которое, стоило обратить на него внимание, становилось неестественным. Потом мысль о том, правильно ли лежат руки.

Когда занятие кончилось, он почувствовал облегчение.

В приложении появился маленький знак, обозначавший выполненную практику.

Илья посмотрел на него с удовольствием и решил заниматься ежедневно.

* * *

Через неделю у него была подушка для медитации.

Он заказал её после того, как прочёл, что положение таза влияет на устойчивость спины. Доставка пришла в большой коробке, и некоторое время Илья испытывал неловкость перед

самим собой: предмет, предназначенный помочь ему спокойно сидеть, потребовал двух дней выбора и нескольких переписок с продавцом.

Но подушка оказалась удобной.

Он положил её возле окна, убрал с подоконника лишние вещи и завёл тетрадь. На первой странице написал дату и время занятия. На второй — несколько наблюдений.

«Много мыслей. Постоянно возвращаюсь к дыханию. Под конец ощущение пространства».

Ему нравилось перечитывать эти строки. В них была скромность человека, который не ждёт быстрых результатов, и вместе с тем намёк на то, что результаты уже появляются.

Вскоре Илья увеличил время до сорока минут.

Утром он сначала занимался, затем завтракал, потом отвечал на сообщения. Этот порядок представлялся ему разумным: прежде чем отдать внимание другим, следовало собрать его у себя.

Однажды во время занятия пришло сообщение от Веры.

Телефон лежал на полу, экраном вверх. Илья увидел имя и первые слова: «Нужно всё-таки решить…»

Он закрыл глаза.

В груди возникло знакомое напряжение. Голос из записи предложил заметить телесное ощущение, не называя его хорошим или плохим.

Илья заметил.

Напряжение немного ослабло.

По окончании занятия он записал: «Получилось не вовлечься в реакцию».

Сообщение открыл после завтрака.

Вера просила забрать оставшиеся коробки и уточняла, сможет ли он вернуть ещё часть денег раньше назначенного срока. У неё появились расходы.

Илья прочёл дважды.

Потом открыл рабочую переписку: прежде нужно было узнать, когда ему заплатят.

* * *

На следующем семинаре Илья пришёл раньше других.

Лев Аркадьевич стоял в кухне и пытался открыть банку варенья. На столе были чашки, нарезанный хлеб и блюдце с маслом.

— Помоги, — сказал он, протягивая банку.

Илья взял полотенце, обхватил крышку и повернул. Крышка хлопнула.

— Занимаетесь? — спросил он, ставя банку на стол.

— Вареньем пока.

Илья улыбнулся.

— Я про практики.

Лев Аркадьевич поднял на него глаза.

— А что ты хотел узнать?

Илья рассказал о курсе, о сорока минутах, о том, что стал спокойнее. Говоря, он старался не преувеличивать и оттого несколько раз повторил, что никаких особенных достижений у него нет.

Старик слушал, раскладывая хлеб.

— И как день проходит? — спросил он.

— По-разному. Работы много. Но я теперь стараюсь сначала возвращаться к себе, а потом уже…

Илья сделал неопределённое движение рукой.

Лев Аркадьевич подвинул к нему поднос с чашками.

— Отнеси, пожалуйста.

В комнате ещё никого не было. Илья поставил чашки на стол и заметил, что одна из них с тёмным ободком внутри. Он вернулся на кухню, чтобы сполоснуть её.

Старик стоял у раковины спиной к нему.

— А что у тебя сейчас труднее всего? — спросил он.

Илья хотел сказать про одиночество. Это было верно и звучало достаточно серьёзно. Но почему-то вспомнил непрочитанное до конца сообщение Веры: в нём была ещё какая-то подробность о коробках.

— Есть кое-какие неустроенные дела.

— Какие?

— После расставания.

В кухне шумела вода.

Илья поставил чашку возле раковины.

— Я понимаю, что надо решить. Просто хочется подходить к этому уже из другого состояния.

Лев Аркадьевич выключил кран.

— А коробки из какого состояния лучше выносить?

Илья почувствовал раздражение.

Он не говорил о коробках. Вернее, кажется, говорил на прошлой встрече, вскользь, но ему было неприятно, что из всего сказанного старик запомнил именно это.

— Я ведь не только о бытовом.

— Я тоже.

Из прихожей донёсся звонок. Лев Аркадьевич вытер руки и пошёл открывать.

Разговор окончился прежде, чем Илья успел придать ему более удобный для себя смысл.

* * *

На семинаре говорили о привычке.

Одна женщина спросила, как отличить необходимую дисциплину от механического повторения. Лев Аркадьевич некоторое время молчал, потом сказал:

— Люди делают практики, чтобы делать вид, что они занимаются чем-то значимым, при этом не решая основную задачу.

Илья опустил глаза.

Он уже успел привыкнуть к тому, что слова старика временами неприятно точно приходятся к его собственной жизни, и теперь видел в этом некоторую нарочитость. Ему казалось, что Лев Аркадьевич мог бы быть бережнее.

Женщина возразила:

— Но ведь практика может помочь найти силы.

— Может.

— Тогда как понять?

— Посмотреть, появились ли силы на то, чего ты избегала.

Илья взял со стола чашку. Чай был слишком горячий, и он обжёг губу.

До конца вечера ему хотелось уйти.

Но, когда все стали собираться, он задержался в прихожей, медленно наматывая шарф.

Лев Аркадьевич подавал кому-то пальто.

— Вы считаете, я зря занимаюсь? — спросил Илья.

Старик посмотрел на него устало.

— Я не знаю, как ты занимаешься.

— Но вы же сейчас…

— Илья, я действительно не знаю.

От этого ответа ему стало ещё неприятнее. Возражать было некому.

* * *

Дома он не зажёг верхний свет.

Подушка лежала на своём месте. Рядом стояла вода, на подоконнике — тетрадь. Всё было приготовлено к утру с такой заботливостью, словно здесь должен был появиться человек, которому нельзя ничем помешать.

Илья сел за стол и открыл переписку с Верой.

В конце её сообщения было написано: «В субботу привезут шкаф. Мне нужно освободить угол».

Он посмотрел на дату.

Суббота была завтра.

Первым его чувством стала обида. Стало быть, она уже меняет квартиру, покупает мебель, распоряжается местом, которое он ещё недавно считал своим. Затем он вспомнил, что несколько недель его коробки стоят посреди её комнаты.

Он набрал длинное объяснение. Упомянул больницу, задержку оплаты, то, что не хотел отвечать впопыхах.

Прочитал.

Всё это было правдой. Но Вере нужно было знать, когда он приедет.

Илья стёр написанное и позвонил.

Она ответила после нескольких гудков.

— Да.

Он услышал её голос и вдруг утратил все приготовленные слова.

— Я про коробки.

— Угу.

— Завтра заберу. Часов в один удобно?

— До двенадцати можешь?

У него мелькнула досада: даже теперь она не могла согласиться сразу.

— Могу, — сказал он.

Вера помолчала.

— Илья, там ещё твои бумаги в ящике. Посмотри сам, пожалуйста. Я не понимаю, что нужно.

— Хорошо.

Можно было закончить разговор. Но он спросил:

— Тебе деньги сейчас очень нужны?

— Да.

Он назвал сумму, которую мог перевести.

Она сказала:

— Спасибо.

Ему хотелось объяснить, что благодарить его не за что, что он понимает свою ответственность, что многое сейчас видит иначе. Он уже вдохнул для этого.

— Тогда до завтра, — сказала Вера.

— До завтра.

Разговор занял меньше трёх минут.

Илья ещё некоторое время держал телефон возле лица. Ожидал, что почувствует облегчение или стыд, но чувствовал преимущественно усталость.

Потом проверил стоимость машины для перевозки вещей.

* * *

Вера открыла ему в старом синем свитере.

Он прежде часто видел её в нём по утрам и теперь почувствовал, что помнит не сам свитер, а движение: как она, наливая чай, придерживала рукав двумя пальцами.

В квартире пахло кофе.

— Проходи. Всё там.

Коробки стояли у стены. На верхней лежала его зимняя шапка.

Илья снял пальто и принялся разбирать бумаги.

Он находил квитанции, старые записи, визитные карточки людей, которых уже не помнил. Каждый предмет требовал решения, и от этой мелочной необходимости он быстро утомился.

Вера работала за столом в другой комнате. Иногда раздавался стук клавиш.

Ему хотелось, чтобы она вышла. Задала вопрос. Заметила хотя бы, что он похудел.

Однажды она действительно появилась в дверях.

— Складываешь?

— Да.

— Пакеты в нижнем ящике.

Она вернулась к работе.

Илья взял лист со старыми расчётами и вдруг понял, что уже несколько минут держит его перед собой, ничего не читая.

В ящике лежал небольшой конверт с фотографиями. На одной они с Верой сидели у воды, оба щурились от солнца. Он хотел положить фотографию на стол, чтобы она увидела, и сразу же почувствовал неловкость.

Убрал в коробку.

Когда всё было собрано, Вера вышла проводить его.

— Машина скоро?

— Через четыре минуты.

Он посмотрел на неё.

— Прости, что затянул.

Она кивнула.

По её лицу он не мог понять, насколько важны для неё эти слова. Прежде он обязательно попытался бы выяснить.

Теперь поднял первую коробку.

* * *

На следующий день Илья проснулся позже обычного.

В комнате стояли вещи. Коробки мешали пройти к окну, и подушку пришлось передвинуть.

Он сел, завёл таймер и закрыл глаза.

Почти сразу вспомнил, что в нижней коробке осталась фотография. Потом — Веру в дверях. Потом начал мысленно объяснять ей то, чего не сказал вчера.

Заметив это, вернулся к дыханию.

Через минуту опять говорил с ней.

За стеной заработала дрель.

Илья открыл глаза и посмотрел на таймер. Прошло семь минут.

Ему стало досадно. После вчерашнего он почему-то ожидал большей тишины.

Он уже хотел прекратить занятие, но остался сидеть.

Спина ныла. В голове продолжался разговор. Дрель ненадолго умолкла и снова зазвучала.

Илья поправил ноги и закрыл глаза.

Когда таймер позвонил, он не стал записывать, получилось ли у него.

Сварил кашу, вымыл кастрюлю и принялся разбирать коробки.

Глава 3. Вертикаль

К понедельнику денег у Ильи осталось столько, что он несколько раз открывал банковское приложение, хотя сумма от этого не менялась.

После перевода Вере и платы за квартиру следовало быть осторожнее с расходами. Само по себе это его не пугало. Он и прежде жил без запаса, но тогда рядом было чьё-то хозяйство, в котором всегда находились хлеб, стиральный порошок и возможность не думать о счёте из аптеки. Теперь мелкие покупки соединились в одну настойчивую необходимость.

Он сидел над списком предстоящих платежей, когда позвонил Борис.

Они работали вместе несколько лет. Борис руководил небольшим агентством, носил дорогие кроссовки, которые на нём почему-то всегда выглядели старыми, и обладал способностью сообщать о неприятностях так, словно приглашал принять участие в интересном приключении.

На этот раз приключение обещало деньги.

— Есть хороший клиент. Наконец-то с бюджетом. Хочет место про смыслы.

— Какое место?

— Помещение у воды. Встречи, практики, сообщество. Приходи завтра, он сам расскажет. И главное — там нужен человек, который умеет думать.

Илья записал время.

После звонка он снова посмотрел на расчёты. Прежняя сумма теперь казалась временным недоразумением.

* * *

Заказчик опоздал на двадцать минут.

Его звали Роман. Он вошёл, разговаривая по телефону, кивнул всем сразу и ещё некоторое время стоял у окна, заканчивая разговор. На нём был тёмный свитер, слишком тонкий для мартовского Петербурга, а на запястье — часы, которых Илья постарался не рассматривать.

— Простите, — сказал Роман, садясь. — Всё время приходится быть в нескольких местах.

Эта необходимость, судя по его виду, не особенно его тяготила.

Он рассказал, что давно хотел создать пространство для людей, которым мало обычной жизни. Ресторанов достаточно, деловых клубов тоже. Человеку успешному негде поговорить о главном.

— Кто-то ведь должен этим заняться, — сказал он.

Илья спросил, о чём именно будут говорить.

— О себе. О выборе. О предназначении. Сейчас все чувствуют, что прежние модели перестали работать.

Борис одобрительно кивнул.

Роман говорил легко, не задерживаясь на отдельных словах. У него уже было помещение, предварительные договорённости с несколькими ведущими и человек, отвечавший за интерьер. Нужны были название, позиционирование и запуск продаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.